

УДК 821.161.1

МРНТИ 17.00.00

<https://doi.org/10.48371/PHILS.2024.73.2.027>

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ФАУСТИАНСКИХ СЮЖЕТОВ И МОТИВОВ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Дуз-Оглы Г. Р.¹, Сарсекеева Н. К.², Демченко А. С.³

*¹магистрант 1 курса, КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
email: duzoglyg@gmail.com

²кандидат филологических наук, доцент, КазНУ им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан, email: sarsekeeva1403@inbox.ru

³PhD, КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
email: alenchika@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема изучения фаустианских мотивов, выделяются их истоки и трансформация в русской классической литературе на примере творчества А.С. Пушкина и И.С. Тургенева. Также в статье разграничиваются понятия «фаустианский» и «фаустовский»; проводится сопоставительный анализ образа оригинального Фауста и его русских «копий»; выясняется, что образ средневекового чернокнижника и мага Иоганна Фауста в русской литературе наделяется новыми качествами и является одним из наиболее часто встречающихся. В ходе работы использовались методы лингвистического, литературного анализа и сопоставления художественных текстов.

Практическая значимость данной научной работы заключается в возможности открытия новых аспектов изучения русской классической литературы, выявлении связей литературных героев, ставших результатом диалога культур. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что образ доктора Фауста не является чисто западным – проведённый сопоставительный анализ литературных героев позволяет утверждать о существовании образа «русского Фауста», впервые появившегося на страницах русской классической литературы. Статья будет полезна не только для литературоведческих исследований, но и на уроках русской литературы в школах и вузах, так как позволяет организовать изучение творчества указанных писателей не обособленно, а в связи с устоявшимися литературными традициями. Кроме того, подобная методика позволяет открыть классический образ Фауста в новом свете, что составляет научную значимость работы в области литературоведения.

Ключевые слова: фаустиана, мотив, традиция, прототип, архетип, Фауст, сюжет, трагедия

Основные положения

«Фаустовский миф» присутствует в русской литературе на протяжении двух веков. Писатели XIX-XX веков активно занимаются переводами немецкой литературы на русский язык. Их интерес пробудила средневековая легенда о докторе Иоганне Фаусте, фигура которого несла за собой тайны и загадки его личности и души. Эти противоречия отразились на создании образов многих русских героев.

Введение

Фигура средневекового чернокнижника и мага доктора Фауста и на сегодняшний день окружена тайнами. Существовал ли он в действительности или его образ является лишь плодом фантазии средневекового человека, неизвестно до сих пор. Безусловно одно: образ доктора Фауста привлекает своей противоречивостью и загадочностью. Именно благодаря этому по сей день писатели возрождают в своих произведениях легенду о докторе Фаусте, по-своему её интерпретируя.

Первые сведения о докторе Фаусте были оставлены его современниками. Известно, что он родился в 1480 году в Книтлингене, современной Германии. С юношества Фауст увлекался магией, которую в то время преподавали открыто. При этом, однако, описывают его не только как чернокнижника и мага – Фауст предавался содомии, в связи с чем ему часто приходилось бежать из многих мест. Кроме того, Фаусту приписывали занятие некромантией. Таким образом, о личностных свойствах характера Фауста современники отзывались нелестно. Из имеющейся сегодня разноречивой информации можно сделать вывод, что Фауст – мошенник, содомит и некромант, постоянный участник попок, спиритист, жестокий, агрессивный, гордый и амбициозный человек [1, с. 30]. Одними из первых к образу Фауста в зарубежной литературе обратились Томас Манн («Доктор Фаустус»), Генрих Гейне («Доктор Фауст») и Иоганн Вольфганг Гёте («Фауст»).

Описание материалов и методов

Самым известным произведением, в котором фаустовский сюжет открылся по-новому, является трагедия «Фауст» Иоганна Вольфганга Гёте. Исследователи «Фауста» Гёте предполагали, что автор «заложил» иной расклад уже в самом начале произведения: «Поместив в начале трагедии известный Пролог, по логической последовательности и согласно действительности, Гёте должен был дать иной ход драме» [2, с. 337]. Но вопреки представлениям, «Гёте не изменил истине и заставил Фауста испытать ужас при самом появлении Духа Земли» [2, с. 329]. Таким образом, Гёте изменил стиль повествования, но исторически сложившийся образ Фауста не претерпел больших изменений под его пером. Интересно то, что жанр трагедии позволил Гёте изобразить всю противоречивость фигуры Фауста через монологи героя.

Зарубежная литература, ее темы и герои издавна привлекали русских писателей. Заинтересованность Пушкина и Лермонтова английской литературой, Жуковского и Тургенева – немецкой, Брюсова – французской доказывают это. Такой шедевр немецкой литературы как «Фауст» Гёте, безусловно, не мог оставить равнодушными настоящих ценителей искусства. Кроме прямого заимствования фаустовского сюжета, связанного с фигурой самого героя, литература пополнялась и так называемыми «фаустианскими» мотивами. При этом следует разграничивать понятия «*фаустовский*» и «*фаустианский*». Если «фаустовский» мотив предполагает прямое заимствование сюжета о Фаусте, сопутствующих ему основных образов и героев, то «фаустианский» мотив – это бессознательная связь с легендой о

докторе Фаусте. Понятие «фаустовский» объединяет целый ряд произведений на уровне конкретных интертекстуальных связей, которые находят в текстах чёткое выражение в виде сознательной авторской цитации, аллюзий, реминисценций.

Фаустианские же мотивы, как отмечает исследователь, подразумевают «бессознательную глубинную связь с архетипическим образом» [3, с. 207].

Результаты

Одним из первых к фаустовской теме в своём творчестве обратился А.С. Пушкин. Если сначала это были чисто фаустовские мотивы, изображение средневековых героев, то затем связь с «Фаустом» можно наблюдать уже на бессознательном уровне. Например, Пушкин в своей «Сцене из Фауста» использует *фаустовские* мотивы, так как возрождает героев «Фауста» в частности, образ Мефистофеля. А *мотив душевных исканий*, красной нитью проходящий через «Евгения Онегина» Пушкина, является примером использования фаустианских мотивов. Мы можем проследить следующее пересечение образов Фауста и Евгения Онегина: «Знай: чистая душа в своем исканье смутном / Сознанья истины полна!» («Ein guter Mensch, in seinem dunklen Drange, // 1st sich des rechten Weges wohl bewußt»), – говорит Господь в «Прологе на небесах» Мефистофелю, которого специально, для блага человека, дает ему в «беспокойные спутники» [4, с. 16]. В этой связи Фауста можно назвать новым типом героя, который постоянно находится в сомнениях и ищет чего-то нового: «Блуждает человек, пока в нём есть стремленье», – именно так описывает Господь Фауста. Интересно, что подобную характеристику можно дать и Евгению Онегину. Пушкина, безусловно, привлекал Гёте и его исключительное мастерство. Неслучайно начало работы поэта над «Евгением Онегиным» предварялось размышлениями о путешествии Фауста по аду («*адская поэма*»), о чем уже шла речь. И далее, в процессе работы над романом Пушкин не забывает о Фаусте. В частности, изданию первой главы «Онегина» в 1825 году предшествовало стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом», которое уже современниками Пушкина воспринималось в свете гетевского «Пролога в театре». И хотя в «Разговоре» нет ни Фауста, ни Мефистофеля, а действуют книгопродавец и Поэт, есть ощущение того, что эта пара незримо присутствует в тексте. Ключевым мотивом, который движет Евгением Онегиным, является *отсутствие интереса к жизни, скука*, приведшая героя к различного рода искушениям. То же самое можно сказать о Фаусте: неприятие сущности бытия, отсутствие достойного источника знаний – все это привело к тому, что он идёт на поводу у дьявола и своих страстей. Кроме того, связь со средневековым магом можно проследить и у героев «маленьких трагедий» Пушкина. В этой связи нужно обратить внимание на образ Сальери («Моцарт и Сальери»). Отметим *искушение грехом и внутреннюю борьбу* в качестве фаустианских мотивов: Сальери, совершив тяжкий грех – убийство друга – сталкивается с душевными сомнениями и исканиями: прав ли Моцарт, говоря о том, что «гений и злодейство – две вещи несовместные»?

Вслед за Пушкиным к фаустианским мотивам не раз обращается Н.В. Гоголь. Однако у Гоголя сделка с дьяволом принимает новые обороты в повести «Портрет», герой которой «продаёт» свой талант тёмным силам за деньги. Кроме «Фауста», сюжет этой повести во многом соотносится с «Портретом Дориана Грэя» О. Уайльда.

Обратим внимание на образ Вакулы, героя повести «Ночь перед Рождеством», который во многом напоминает Фауста: в трагедии Гёте присутствует немало сцен, в которых Фауст управляет Мефистофелем, по сути «запрягая» дьявола и используя в личных целях. То же самое делает Вакула с чёртом, что и позволяет провести связи между двумя героями.

«Фаустовский миф» присутствует и в творчестве Достоевского, «дьяволиада» которого достигает в русской литературе высшей точки. Это, в первую очередь, романы «Бесы» и «Братья Карамазовы». Соотнести с Фаустом целесообразно героя «Братьев Карамазовых» Ивана Карамазова, который, как и средневековый герой, находится в вечном поиске истины, имеет собственную идеологию и, конечно, проводит часы за *беседой с чёртом*.

Русская классическая литература стала примером для писателей-последователей. Так, у М. Горького в его «романтический период» в конце XIX века также имеются пересечения с легендой о Фаусте. В частности – мотив глубокого убеждения в собственной исключительности и полной свободы, который движет героем рассказа «Старуха Изергиль» в известной легенде о Ларре.

В XX веке М. Булгаков и В. Брюсов особенно ярко воспроизводят в своих художественных творениях как фаустианские, так и фаустовские мотивы («Мастер и Маргарита», «Огненный ангел»). Первостепенную роль в этом ряду, на наш взгляд, играют мотивы сделки с дьяволом и искушения грехом, которые своими отдельными чертами также напоминают о гётевском «Фаусте».

Как представителя русского экспрессионизма, в свете фаустианской традиции можно рассмотреть творчество Леонида Андреева. Религиозная тематика играет важную роль в произведениях автора, поэтому связь с Фаустом вполне оправдана. Анатэма – дьявол, герой одноимённой трагедии Л. Андреева, вполне соотносим с образом Мефистофеля, который также бросает вызов Богу, пытаясь искушить человека, тем самым привлекая его на свою сторону.

Однако, возвращаясь к русской классической литературе, особое внимание нужно уделить творчеству И. С. Тургенева, которое является более показательным в контексте интересующей нас темы. Известно, что Тургенева, который большую часть своей жизни провёл за границей, называли писателем-западником. Неудивительно, что писатель увлёкся западной литературой и во многом следовал её традициям в своём творчестве.

Фаустиана Тургенева разнообразна и многоаспектна. Это многочисленные цитаты из трагедии Гете, статья о «Фаусте» и другие высказывания об этом произведении в публицистике и эпистолярной повести «Фауст» и многое другое. История изучения тургеневской творческой рецепции «Фауста»

касается, в основном, двух аспектов – оценки сочинения Гете, которую Тургенев дал еще в статье 1845 года (посвященной переводу М. Вронченко) или оставил в беседах и письмах с коллегами и друзьями, а также выявление фаустовских параллелей в одноименной повести 1856 года. Другие тексты Тургенева, за очень редким исключением, не рассматриваются в фаустовском ключе. Между тем Тургенев предлагал читателям подходить к некоторым своим произведениям именно с *фаустовской* меркой.

Рассматривая динамику отношения Тургенева к «Фаусту» Гёте, следует обратить внимание на то, что в 1850-е годы Тургенев живо интересуется Мерком – прототипом Мефистофеля. Об этом свидетельствуют, в частности, письма писателя к Н.А. Некрасову и И.И. Панаеву. «Эти письма свидетельствуют об очередном изучении образа Мефистофеля, только уже не как дьявола, а как простого человека, одарённого критическим взглядом. Подобный подход к Мефистофелю-человеку проявится в повести «Фауст», где Мефистофель и Фауст сольются в одном человеке» [5, с. 29].

Источником фаустовского беспокойства, кроме отмеченной нами скуки, является также эгоизм героя. Интересно, что в «Прологе на небесах» Господь называет эгоизм положительным качеством человека, пробуждающим в нём стремление к новому, неизведанному. Подобное душевное противоречие, «неуспокоенность» свойственна и тургеневскому герою, представителю «лишних» людей, Рудину. В образе Рудина эгоизм действительно выступает положительным качеством, своеобразной гарантией саморазвития и самосовершенствования. Кроме того, эгоизм автоматически «дополняется» жадной познания жизни и деятельности, а также недовольства ими: «Я отдаюсь весь, с жадностью, вполне, и не могу отдаться», – пишет он в своём прощальном письме Наталье Ласунской. Эти строки точно раскрывают жизненную позицию героя и противоречия в его сознании. Он хочет «отдаться», но чувствует свою границу, «финишную черту», которая не позволяет в полной мере осуществить желаемое. Мы привыкли рассматривать Рудина как рефлексирующего, бездеятельного героя, «жадность» которого распространяется лишь на «умные» разговоры. Однако это лишь та часть характера Рудина, которую он проявил в сюжете одноимённого романа. Так, из биографии героя мы узнаём, что его «искания» длятся уже довольно долго: за свою жизнь он успел проявить себя в роли учителя, агронома, а также попытался заняться общепольным делом по превращению реки в судоходную. Вместе с тем в самом романе от начала и до его конца читатель оказывается свидетелем другой истории – истории любви Рудина и Натальи Ласунской, «трагикомедии любви», как это было и в «Фаусте» Гете, согласно интерпретации Тургенева. В связи с этим необходимо заметить, что череда неудач, преследовавшая Рудина в его великих планах, знакома и Фаусту, который живёт и умирает в предчувствии будущих преобразований.

Говоря о фаустианских мотивах в творчестве Тургенева, нельзя пройти мимо одного из самых известных героев писателя – Евгения Базарова, которого нередко называют «русским Фаустом». Сходство героев обусловлено их тягой к знаниям. Они, полностью погрузившись в тайны науки, совсем не замечали

прекрасного вокруг себя, однако сердца обоих поразила любовь, навсегда изменившая их взгляды. Интересен тот факт, что оба героя сначала отвергли это прекрасное чувство и лишь со временем осознали его значимость, однако трагическую развязку было не избежать. Кроме того, склонность к рефлексии свойственна как Фаусту, так и Базарову, но, в отличие от Рудина, эти герои более активны.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что Тургеневым был глубоко воспринят и творчески переосмыслен образ Фауста и тесно связанные с ним сюжетные линии, темы и мотивы, события и человеческие характеры, развитие и разрешение которых подчас противоположно реализовывалось в повестях и романах писателя. Эта тема должна стать предметом специального углубленного исследования в нашей магистерской работе.

Обсуждение

Русская классическая литература, перенимая западные традиции, всё-таки развивалась отлично от неё. Многие исследователи приходили к такому выводу, рассматривая особенности первых русских романов. Заметим, что по композиции, жанровому своеобразию и проблематике «Евгений Онегин», «Герой нашего времени» совсем не соответствовали классическому определению романа как жанра. Это даёт основание утверждать, что и образ Фауста был воспринят русскими классиками, а затем значительно трансформирован и «подстроен» под русские традиции и особенности героев. В этой связи можем упомянуть сходство героев русской классики между собой: Онегин, Печорин, Базаров, Лаврецкий и др. Это происходит и с образом Фауста: отдельные черты средневекового шарлатана русские писатели считают подходящими для русского героя, однако на их основе они создают совершенно новый тип героя.

Заключение

Возрождение исторической памяти обязательно ведёт за собой последствия, которые наиболее очевидно проявляют себя в искусстве. Как отмечает исследователь Гиздатов Г., отсюда следует и «проявившаяся популярность жанров исторической и научно-фантастической литературы, интерес всех форм гуманитарного знания к прошлому...» [6, с. 336]. Это во многом объясняет интерес к героям античности и средневековья.

Проведённое нами исследование позволяет прийти к выводу о том, что идея о Фаусте была широко распространена в русской литературе и искусстве и использована в разных контекстах и жанрах. Ко всему прочему, обращение к данной теме позволяет писателям исследовать различные аспекты человеческой природы, не теряя связи с оригинальными источниками. Важнейшим атрибутом современного литературоведения является изучение взаимодействия различных эпох, культур, а также отдельных художественных произведений во всём многообразии их контекстуальных и интертекстуальных связей. Особое место в этом ряду занимает трагедия И.В. Гёте «Фауст»,

которая по самой своей природе является уникальным культурным «перекрёстком», ведущим диалог, с одной стороны, с уже сложившимися культурными парадигмами (античной, средневековой, ренессансной), а с другой – с теми вечными проблемами, архетипическими смыслами, которые уходят своими корнями в миф, в первую очередь библейский. Именно эта особая культурная насыщенность гётевского текста и делает его произведением, которое оказывается неизменно востребованным на каждом последующем этапе развития культуры. Можно утверждать о появлении образа «русского Фауста» как результата «диалога» двух культур. В этой связи нельзя не отметить тот факт, что новый герой русской литературы наделяется совершенно нетипичными для западного героя чертами: хандра, тоска уныние, неудовлетворённость собой и окружающими – все эти качества присутствуют в героях русской классики от Пушкина до Достоевского и, «пополняясь» чертами западного Фауста, становятся сложными, представляя ещё более интересный материал для исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Опарин А.А. Доктор Фауст: история и предания // Восточноевропейский журнал внутренней и семейной медицины – 2018. – № 2. – С. 27-34.
- [2] Федоров Н.Ф. «Фауст» Гете и народная легенда о Фаусте // Контекст: Литературно-теоретические исследования. – 1977. – Т. 1975. – С. 315-343.
- [3] Милентий Н.Д. Интертекстуальность и архетипичность фаустианских мотивов в русской и зарубежной литературе // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 5. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. – С. 206-209.
- [4] Гёте И.В. Фауст. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 544 с.
- [5] Федоров Ф.П. Фаустиана Ивана Тургенева // Филологические чтения: 2005 / Ред. А.Н. Неминучий. – Даугавпилс, 2006. – С. 56 – 81.
- [6] Гиздатов Г.Г. Интермедиаальные эксперименты в современном литературном и арт-пространстве Казахстана // Известия КазУМОиМЯ. – 2023. – № 2 (69). – С.336-347.

REFERENCES

- [1] Oparin A. A. Doktor Faust: istoriya I predaniya (Doctor Faust: history and legends) // Vostochnoevropeyskii zhurnal vnutrenney I vostochnoy mediciny. – 2018. – № 2. – P. 27-34. [in Rus.]
- [2] Fedorov N. F. «Faust» Gete I narodnaya legenda o Fauste (Goethe's Faust and the folk legend of Faust) // Kontext: Literaturno-teoreticheskiye issledovaniya. – 1977. – T. 1975. – P. 315-343. [in Rus.]
- [3] Milentiy N. D. Intertekstualnost I arkhetipitichnost faustianskih motivov v russkoy I zarubezhnoy literature (Intertextuality and Archetypicality of Faustian Motifs in Russian and Foreign Literature) // Doneckkiye chteniya. – 2020. – № 5. – P. 206-209. [in Rus.]
- [4] Gete I. V. Faust (Faust). – M.: Izdatelstvo AST, 2022. – 544 p. [in Rus.]
- [5] Fedorov F. P. Faustiana Ivana Turgeneva (Faustiana of Ivan Turgenev) // Filologicheskiye chteniya: 2005 / Red. A.N. Neminuchij. – Daugavpils, 2006. – S. 56 – 81. [in Rus.]
- [6] Gizdatov G. G. Intermedial'nye ehksperimenty v sovremennom literaturnom i art-prostranstve Kazakhstana (Intermedial Experiments in Modern Literature and Art Space of

ОРЫС КЛАССИКАЛЫҚ ӘДЕБИЕТІНДЕГІ ФАУСТИЯЛЫҚ СЮЖЕТТЕР МЕН МОТИВТЕРДІ ЗЕРТТЕУ ЖӘНЕ ЖІКТЕУ СҰРАҚТАРЫ

*Дүз-Оғлы Г.Р.¹, Сәрсекеева Н.К.², Демченко А.С.³

*¹ әл-Фараби атындағы ҚазҰУ 1 курс магистранты, Алматы, Қазақстан
e-mail: duzoglyg@gmail.com

² филология ғылымдарының кандидаты, доцент, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ
доценті, Алматы, Қазақстан
e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

³ әл-Фараби атындағы ҚазҰУ PhD докторы, Алматы, Қазақстан
e-mail: alenchika@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада фауст мотивтерін зерттеу мәселесі көтеріліп, А.С.Пушкин мен И.С.Тургеневтің шығармашылығы мысалында орыс әдебиетіндегі олардың шығу тегі мен трансформациясы көрсетілген. Мақалада фауст мотивтері тақырыбы бойынша орыс классикалық әдебиеті де қарастырылады; «фаустиандық» және «фаусттық» ұғымдары ажыратылады; Фаусттың түпнұсқасы мен оның орысша «көшірмелерінің» бейнесіне салыстырмалы талдау жүргізіледі. Зерттеуші орыс әдебиетіндегі ортағасырлық жауһар және сиқыршы Иоган Фауст бейнесі жаңа қасиеттерге ие және жиі кездесетіндердің бірі деген қорытындыға келеді. Жұмыс барысында әдістеме ретінде лингвистикалық және көркем мәтінді талдау әдістері, сонымен қатар көркем мәтіндерді салыстыру әдісі қолданылды.

Бұл ғылыми жұмыстың практикалық маңыздылығы зерттелетін авторлар шығармашылығының жаңа қырларын ашу, мәдениеттер диалогы деп аталатын нәтижеге айналған әдеби кейіпкерлердің байланыстарын анықтау мүмкіндігінде. Зерттеу нәтижесінде біз доктор Фауст бейнесі тек батыстық емес деген қорытындыға келдік – әдеби қаһармандарды салыстырмалы талдау бізге алғаш рет пайда болған «Орыс Фаустының» бейнесінің орыс классикалық әдебиеттерінің беттерінде бар екендігін дәлелдеуге мүмкіндік береді. Жүргізілген зерттеулер тек әдебиеттану үшін ғана емес, сонымен қатар мектептер мен жоғары оқу орындарындағы орыс әдебиеті сабақтарында да пайдалы болады, өйткені бұл жазушылардың шығармаларын жеке-жеке емес, қалыптасқан әдеби дәстүрмен байланыстыра оқытуды ұйымдастыруға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, мұндай техника Фаусттың классикалық бейнесін жаңа қырынан ашады.

Тірек сөздер: фаустиана, мотив, дәстүр, прототип, архетип, Фауст, сюжет, трагедия

THE QUESTION OF STUDYING AND CLASSIFICATION OF FAUSTIAN PLOTS AND MOTIVES IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

*Duz-Ogly G.R.¹, Sarsekeyeva N.K.², Demchenko A.S.³

*¹ 1st year master student, al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan
email: duzoglyg@gmail.com

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, al-Farabi KazNU
Almaty, Kazakhstan, email: sarsekeeva1403@inbox.ru

³ PhD, al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan
email: alenchika@mail.ru

Abstract. The article raises the problem of studying Faustian motifs, highlights their origins and transformation in Russian literature on the example of the works of A. S. Pushkin and I. S. Turgenev. The article also examines Russian classical literature on the subject of Faustian motifs; the concepts of "Faustian" and "Faustian" are distinguished; a comparative analysis of the image of the original Faust and his Russian "copies" is carried out. The researcher comes to the conclusion that the image of the medieval warlock and magician Johann Faust in Russian literature is endowed with new qualities and is one of the most frequently encountered. As a methodology in the course of the work, the methods of linguistic and literary text analysis, as well as the method of comparing literary texts, were used.

The practical significance of this scientific work lies in the possibility of discovering new aspects of the creativity of the authors under study, identifying the connections of literary heroes that have become the result of the so-called dialogue of cultures. As a result of the study, we came to the conclusion that the image of Dr. Faust is not purely Western - the comparative analysis of literary heroes allows us to assert the existence of the image of the "Russian Faust", which first appeared on the pages of Russian classical literature. The conducted research will be useful not only for literary studies, but also in the lessons of Russian literature in schools and universities, as it allows organizing the study of the works of these writers not in isolation, but in connection with established literary traditions. In addition, such a technique will open the classic image of Faust in a new light.

Keywords: Faustiana, motif, tradition, prototype, archetype, Faust, plot, tragedy

Статья поступила 24.02.2023